

СМЕРШ
спецназ Сталина

АГЕНТ ИЗ ПОДЗЕМЕЛЬЯ

Александр Тамоников

СМЕРШ – спецназ Сталина

Александр Тамоников

Агент из подземелья

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Агент из подземелья / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2020 — (СМЕРШ – спецназ Сталина)

ISBN 978-5-04-109022-7

Январь 1945 года. Красная Армия форсировала реку Одер и ступила на территорию Германии. Но немецкие войска продолжают отчаянно сопротивляться. Чтобы выявить слабые места в обороне противника и обеспечить прорыв советских танков, в отдел германской разведки внедряется майор СМЕРШ Алексей Уваров. Ему удастся завербовать немецкого инженера и проникнуть в секретный укрепрайон. Но в этот момент гестапо арестовывает связную майора. Алексей понимает, что над ним нависла угроза разоблачения, а значит, времени для выполнения задания практически не остается...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-109022-7

© Тамоников А. А., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Александр Тамоников

Агент из подземелья

Глава 1

Из открытой форточки тянуло холодком. Полковник поежился, отбросил карандаш и задумчиво смотрел, как он катится, не встречая сопротивления, по гладкой поверхности стола, соскальзывает и метко вписывается в щель между дряблыми половицами. Поднимать его он не стал, извлек из стеклянного бокала второй карандаш, точно такой же, и положил поверх изучаемого документа. Подобного добра после бегства чиновников администрации маленького польского городка осталось с избытком.

Полковник посмотрел на часы, пригладил пятерней седой ежик на макушке, пружинисто поднялся и закрыл форточку. На него навалился кашель, он надрывался, глотая мокроту. Простуда привязалась, ничем не выгнать. Повсюду сквозняки и холод. Месяц – точно не май. Когда он еще придет, май сорок пятого? На календаре 19 января, разгар зимы. В России они жестче, но и здесь, в центре Польши, далеко не лето. Дневные температуры падают до минус десяти, на дорогах лед вперемешку с грязью, свирепствуют промозглые ветра.

Он невольно задержался у грязного стекла. Со второго этажа открывался вид на центральную улицу и окрестные здания. Штаб дивизии третий день стоял в Войнице, маленьком городке уездного значения. Полки за последнее время понесли немалые потери и теперь ожидали пополнение. По улице, грохоча и изрыгая гарь, шли на запад тяжелые «КВ», средние танки «Т-34», тягачи тянули дальнобойные орудия. Ругались пехотинцы в полушубках, прижимаясь к обочинам. Разъездились тут, не дают пройти простым людям! Автоматчики на броне слали пламенные приветы, отпускали остроты. Мол, не пыли, пехота! Долго вам, ребята, еще до Берлина киселя хлебать!

Войска Первого Белорусского фронта спешили на запад. В день они с боями проходили по 20–30 километров. В данный момент шли подразделения корпуса Первой гвардейской танковой армии генерал-полковника Катуква. До Берлина оставалось порядочно.

17 января пала Варшава. Немцы отошли на запад, в город вступили Красная армия и потрепанные части Войска Польского. Основные силы обогнули польскую столицу с севера и юга и продолжали развивать успех.

Легкой жизни для Красной армии не ожидалось. На пространстве от Вислы до Одера немцы оборудовали шесть оборонительных рубежей, напичканных вооружением и отборными войсками. Пройти нужно было все, один за другим. Самый трудный – последний, так называемый Мозерский рубеж, несколько десятков километров сплошной линии обороны, выстроенной по последнему слову военно-инженерной науки. Никто не сомневался, что рубеж падет, но когда и какой ценой? Зато за Мозерским районом – уже Германия, оперативный простор до самого Берлина. Там уж Красную армию точно никто не остановит.

Скрипнула дверь.

– Разрешите, товарищ полковник? Вызывали?

Полковник Бурмистров, начальник штаба гвардейской стрелковой дивизии, почувствовал сухость в горле. Он повернулся нарочито медленно, устремил доброжелательный взгляд на офицера, вошедшего в помещение. Майор Синявин, начальник инженерной службы, был

сравнительно молод, интеллигентен, обладал хорошими манерами и имел безупречный внешний вид. Утепленная шинель сидела на нем ладно, сапоги блестели.

– Да, проходи, майор, присаживайся, дело есть к тебе, – сказал полковник, оторвался от окна, направился к столу, сел на краешек стула, выдвинул ящик под рукой.

Впрочем, сегодня с хорошими манерами произошел сбой. Майор как-то незаметно замкнул входную дверь на задвижку, расстегнул кобуру. Когда полковник поднял голову, в переносицу ему смотрел ствол табельного «ТТ». Синявин выглядел спокойным, но в глазах у него заблестел холодок, а в простодушной мине обозначилось что-то хищное. Полковник заметил это и закашлялся.

– Ящик закройте, Дмитрий Сергеевич, – вкрадчиво попросил Синявин. – Зачем он вам? Положите руки на стол и не делайте резких движений.

Полковник подчинился. Где эти бездари из контрразведки допустили ошибку?

– В чем дело, товарищ майор, что вы себе позволяете? – Голос его охрип.

– Хотел бы спросить то же самое, Дмитрий Сергеевич, но ладно, не буду. – Спокойствие давалось майору с трудом, он был расстроен, круглое лицо побледнело.

Дверь за его спиной кто-то подергал. Майор невольно вздрогнул, но пренебрежительная усмешка ему вполне удалась.

– Майор, не отягощай, – процедил полковник. – Положи оружие, открой дверь. Тебе зачтется.

– Дважды не расстреляют? – Синявин криво усмехнулся. – А ведь почти подловили, товарищ полковник. Поздно я понял, что вызов с подковыркой, иначе хрен бы к вам пришел. Двое ребят из контрразведки на улице курили, в мою сторону старательно не глядели. В холле еще один. Я по лестнице поднимался, когда он обратную дорогу перекрыл. Пришлось наверх идти, к вам, по вызову. Ладно, отнекиваться не буду. СМЕРШ – контора серьезная. Как узнали? Вы же в курсе, Дмитрий Сергеевич, да?

– Прокололся ты, майор, выдал себя.

– Неправда! – Голос Синявина зазвенел, но он тут же закашлялся и не сразу пришел в себя. – Не мог я проколоться, вздор это! Почему задержание решили провести здесь, в кабинете начальника штаба дивизии?

– В глаза твои волчьи хотел посмотреть, – выдавил из себя полковник. – Ведь ты, шкура, больше месяца под своего рядился, да еще и талантливо, службу нес безукоризненно, исполнительный был.

– Посмотрели, товарищ полковник? – Кривая ухмылка не сходила с лица агента. – Чувство вины вас гложет. Это понятно. Проглядели под носом такую гниду! Оргвыводы теперь непременно последуют. Ладно, это лирика, слушайте меня внимательно, Дмитрий Сергеевич. – Глаза майора сузились в щелки, он, мягко ступая, подошел к начальнику штаба дивизии. – Сейчас вы медленно встаете, надеваете шинель, и мы выходим в коридор. Ствол пистолета будет у вас в боку, поэтому...

– Думаешь, прикроешься мной, сволочь? – Полковник смотрел на него тяжело, не моргая. – Ты и двух шагов не пройдешь, тварь!

– Выбора нет, Дмитрий Сергеевич. – Синявин пожал плечами. – Ни у вас, ни у меня. Попробуем отогнать цепных псов из контрразведки. Они же не станут по вам стрелять. Вы же целый полковник, начштаба гвардейской дивизии. Спускаемся по лестнице, садимся в «эмку», что стоит у крыльца, а дальше – по обстоятельствам. Не будем загадывать.

Оба едва сдерживали эмоции. Синявин клял себя за неосторожность, потерю бдительности. Ладно, лучше поздно, чем никогда. Шанс все же остался. Полковник костерил молодых и неопытных контрразведчиков. Старые кадры полегли, присылают зелень из особых отделов, которая толком работы не знает, опыта – ноль, только и могут торчать истуканами.

Изначально идея была нормальная. СМЕРШ доложил командованию дивизии о выявленном агенте. Брать его контрразведчики хотели где угодно, но не в штабе.

Дмитрий Сергеевич сперва не поверил. Ошибка, мол, вышла, не иначе. Но начальник дивизионного отдела контрразведки СМЕРШ майор Сурков – человек бывалый. В отличие от своих неопытных подчиненных, ерундой он не занимался. Донесение пришло из-за линии фронта, от человека, работавшего в немецком тылу.

«Берите здесь паршивца, – настаивал Бурмистров. – Он же не будет ничего подозревать, отвлеку, сесть предложу. Войдете и возьмете. Пикнуть не успеет, если быстро все сделаете».

Майор Сурков был недоволен, но в итоге согласился.

В дверь кто-то требовательно постучал. Синявин сместился в сторону, уходя с линии огня, вытянул руку с пистолетом.

– Ответьте людям, Дмитрий Сергеевич. – Глаза агента источали зимний холод. – Так и будут долбить, пока лбы не разобьют. Непуганные они у вас.

– Минуту подождите! – выдавил полковник.

Стук оборвался.

Майор усмехнулся и заявил:

– Все, время не терпит, Дмитрий Сергеевич. – Он стер с гладко выбритого лица улыбку. – Надевайте шинель, пойдете. Не заставляйте меня вытаскивать вас отсюда в таком виде. Зима на улице.

Полковник поднялся. В голове его метались мысли, среди которых не было ни одной дельной. Он не был трусом, но попал впросак, причем по собственной глупости.

Синявин сместился на пару шагов. Полковник направился к вешалке, придвинутой к стене. На ней висела его шинель. Как-то ненавязчиво Синявин оказался сзади. Он словно чувствовал, что сейчас произойдет.

Дверь распахнулась от удара. Отвалилась скоба, прибитая к косяку, забренчала задвижка. Синявин резко повернулся, дважды надавил на спуск. Выстрелы в замкнутом пространстве гремели оглушительно. Молодой лейтенант, ворвавшийся в помещение первым, охнул от боли, выронил пистолет. Пуля пробила его колено. Видно, дрогнула рука агента. Лейтенант повалился за порог, перекрыл дорогу другим. Синявин продолжал стрелять в проем, опустошил обойму.

Полковник и глазом не успел моргнуть, как лазутчик подлетел к нему, сдал сзади горло предплечьем, выхватил из его кобуры пистолет и снова открыл огонь! Пули выбивали щепки из косяка, летели в проем. На виду никого не осталось, люди прижались к стенам.

Сквернословил майор Сурков. Надо же так изгадить хорошую операцию!

– Назад, не стрелять! – гремел его басистый голос. – Там полковник Бурмистров!

– Слушайте своего командира, парни! – крикнул Синявин. – А ну, пошли все прочь, освободить проход! Кто-то дернется, я его убью, мне терять нечего!

Терять Синявину было что, очень даже многое. Задача ему выпала сложная – покинуть здание, приклеив к себе полковника, сесть в машину и при этом не подхватить пулю!

– Вперед, Дмитрий Сергеевич! – Он подталкивал коленом начальника штаба.

Мелькнула в проеме голова отчаянного парня. Он схватил за шиворот раненого товарища, оттащил от проема. Снова загревели выстрелы.

– Я кому сказал отойти?! – закричал Синявин. – Быстро! Чтобы на этаже никого не осталось! Даю вам двадцать секунд. Утаскивайте своего подстреленного голубя!

В коридоре кто-то завопил.

Полковник задышался, сделал попытку ударить противника локтем, но пробил пустоту. Рука его повисла плетью.

Синявин подтолкнул его к выходу.

– Малым ходом, Дмитрий Сергеевич, выходите в коридор, и давайте без глупостей.

На короткий миг фашистский агент ослабил хватку предплечьем. Полковник сделал глоток живительного кислорода, и в голове у него стало ясно. Он вдруг резко, едва не свернув себе шейные позвонки, ударил затылком и попал в переносицу! Синявин отпрянул, заорал благим матом. Полковник схватил его правую руку – она продолжала тянуть пистолет – вывернул до хруста. Ствол вывалился из поврежденной конечности. Синявин тяжело дышал, боль выбила его из равновесия.

Полковник оттолкнул противника и получил короткую передышку. Агент ударился копчиком о столешницу, вскинул кулаки. Лицо этого мерзавца исказилось до неузнаваемости.

Полковник бросился на него, задавил массой. Он знал, что второй попытки у него не будет, схватил агента вражеской разведки за отвороты шинели и, пока тот не опомнился, ударил затылком о столешницу. С нее, как листья по осени, брызнули бумаги, тот самый карандаш. Синявин сопротивлялся, попытался ударить коленом в живот. Но полковник крепко держал его.

Оба покатались, упали со стола. Бурмистров оказался снизу, и это положение его крайне не устраивало. Он рвал жилы, сделал кувырок, и его противник, теряющий силы, распростерся на полу. Скрюченные пальцы врага тянулись к горлу полковника. Бурмистров бил его по челюсти, словно гвоздь кулаком вколачивал, преодолевая боль в костяшках, где определенно что-то хрустнуло.

Синявин потерял сознание. Полковник тоже был на грани. Он сполз с неподвижного противника, грузно поднялся на ноги, которые предательски разъезжались.

– Эй, вы! – прохрипел начальник штаба дивизии. – Куда подевались? Почему я должен выполнять вашу работу?

В помещение ворвались люди – два лейтенанта, капитан, майор. Они помогли Бурмистрову добраться до стула. Он отдышался, посмотрел через муть в глазах, как вокруг суетятся люди.

– Товарищ полковник, я же вас предупреждал, что это опасно, – пробормотал майор Сурков, переживший нервный шок. – А вы не верили, упрямылись. Вы в порядке, товарищ полковник?

– Работать надо лучше, майор, новобранцев своих учить, чтобы начальнику штаба дивизии не приходилось лично обезвреживать ваших клиентов.

В сложившейся ситуации было что-то комичное. Нервный смех вырвался из груди Бурмистрова, и майор уставился на него с явной оторопью.

– Что смотришь? Отвали, в порядке я, размялся, юность дворовую вспомнил. Что там с вашим лейтенантом?

– Колено перебило Позднякову, товарищ полковник, сейчас в госпиталь повезем, это рядом. Ерунда, побежит через неделю. Пусть только попробует не побегать!

Офицеры швырнули майора Синявина носом в пол, связали руки. Он плевался кровью, что-то шипел. Глаза агента заволакивала муть.

– Хорошо, что капсулу с ядом не проглотил, – изрек капитан Мальцев, заместитель Суркова. – А то взяли, понимаешь, моду. Мы ее еще поищем, обязательно должна быть.

– Мы вас покинем, товарищ полковник. – Смущенный Сурков словно разрешения спрашивал. – С вами точно все в порядке? Может, медика вызвать, пусть посмотрит?

– Ой, да иди ты, сам знаешь куда! – раздраженно проговорил полковник. – Видеть вас больше не могу. И это дерьмо с собой заберите. – Он кивнул на Синявина, которого офицеры пытались поставить на ноги. – Что по второму, майор? Взяли его?

– Пока не было известий, товарищ полковник. Вы первым узнаете. Возьмем, не волнуйтесь.

– Ну да, одного уже взяли. Если с такими же пертурбациями, то лучше не надо. Второго агента брали параллельно, уже не столь драматично, хотя с курьезом.

Капитан Федченко занимал должность помощника начальника вещевого службы. Про него и подумать не могли. Вечная улыбка, душа компании, балагур, всегда наготове пара побасенок из армейской жизни. Их, очевидно, в абвере сочиняли. Он не был боевым офицером, но женщины любили его, причем самые разные – от санитарок в медсанбате до серьезных дам из шифровального отдела. К служебным обязанностям Федченко относился по-всякому, но если и совершал оплошность, то всегда ухитрялся выкрутиться. На него не обижались, смотрели сквозь пальцы на похождения весельчака.

Весть о том, что это немецкий агент, была встречена с недоумением. Но Сурков верил сообщениям из Майнсдорфа, от сотрудника специального отдела СМЕРШ с позывным «Колдун». Ошибаться тот не мог.

Федченко находился на складе, когда на огонек заглянули наряд красноармейцев и старший оперуполномоченный капитан Снегирь. Возможно, враг уже чувствовал угрозу. У опытных агентов – звериный нюх на опасность. Он заметил визитеров в окно, быстро сделал выводы, но и сам не остался незамеченным.

Дорожка к отступлению у Федченко имелась – боковая дверь, коридор, два складских помещения, заваленных тюками. Он мог уйти от погони, вылезти в окно, выходящее на задний двор, и нырнуть в овраг, примыкающий к складам. Но именно сегодня складской водитель поставил к окну свою полуторку, чтобы могли проехать другие машины. Федченко распахнул окно и уперся в деревянный борт грузовика. С такой махиной не потягался бы и Иван Поддубный.

Когда запыхавшиеся красноармейцы вбежали в помещение, капитан имел покаянный вид, бормотал, что бес его попутал сбыть ту проклятую партию фуфаяк нуждающимся польским гражданам всего лишь за несколько коробок тушеного немецкого мяса. Уже в отделе капитану доходчиво объяснили, что взяли его не поэтому. Про фуфайки можно забыть – не поможет.

Задержанные агенты были помещены в подвал бывшего полицейского участка. Допрашивали их сразу, чтобы они не успели выстроить линию защиты. Эти негодяи, захваченные врасплох, раскололись через час, после применения всех видов прессинга и новейших достижений химических лабораторий, работавших под эгидой НКВД.

Выпускники краковской школы абвера сорок второго года, бывшие представители состава Красной армии, сдавшиеся немцам летом сорок первого. Внедрены полгода назад на должности, подразумевающие дистанцию от передовой, но способствующие получению секретных сведений.

Агентов для заброски школы абвера штамповали тысячами. Многих разоблачали сразу, другие сами сдавались, третьи гибли, четвертые не приносили пользы. Мало кому удавалось закрепиться и наладить работу.

Эти двое были из их числа. Шифровки для агентов поступали из Майнсдорфа, немецкого города, расположенного вблизи польской границы. Над Краковом нависла угроза. Учебное заведение переехало в Майнсдорф, вместе с ним и эти персонажи.

Радиста по горячим следам взять не удалось. О нем контрразведчики узнали только через два часа.

Это был некто Семич, старший сержант, приписанный к роте связи, специалист по ремонту и обслуживанию радиотехнической аппаратуры. В отличие от сослуживцев, соблюдавших распорядок дня, этот парень болтался сам по себе, выполнял работы, о которых его начальство имело весьма смутное представление, и считался неприкосновенным благодаря своим знаниям и умениям.

Не было никаких сомнений в том, что именно он сообщил своим хозяевам в Майнсдорф неприятную новость. Портативную рацию нашли в заброшенной мастерской на окраине

городка. Это было досадно, поскольку исключало проведение увлекательной радиоигры, но и трагедией не являлось.

Семича засекли по темноте на лесной опушке. Мимо проезжал патруль на мотоцикле. Он пытался скрыться, но одинокая фигура хорошо выделялась на снегу. Где этот тип прятался в предыдущие часы, осталось загадкой.

На призывы патруля остановиться Семич не реагировал и был тут же настигнут свинцом. Иначе радист растворился бы в лесу. Практической ценности этот человек не представлял.

Обезвреженных агентов отправили под конвоем в штаб армии. Только к ночи майор Сурков и капитан Мальцев смогли расслабиться и позволить себе по полкружки водки.

– Невероятно, товарищ майор. – Мальцев покачал головой, вслушиваясь в порывы ветра, от которых дребезжали стекла. – Вроде наши были, советские на сто процентов, вне всяких подозрений. Вот так живешь, воюешь, а потом узнаешь, что люди, которым ты верил, – форменные мерзавцы.

– Плохо работаем, капитан, – пробурчал Сурков в поникшие усы. – Своими силами мы эту компанию никогда бы не выявили. Давай уж начистоту. Они работали безупречно. Доступ к сведениям у них был. У первого – по долгу службы, а второй... сам понимаешь, что склады и каптерки – рассадник болтунов, которые находка для шпиона. А Федченко такой прощелыга, что и камень разговорит. Вспомни последние неудачи. Недавно немецкий эшелон с военной техникой под носом у нас успел проскочить. А ведь имели сообщение!.. В нем крупные шишки из Кракова бежали, эсэсовское начальство, штабные офицеры. Знали немцы, когда мы полотно закроем. У Мездыча полк Каховского в засаду попал. Разведка доложила, что город пуст, а как ушла, немцы за полчаса минометы подтащили да накрыли так, что мама не горюй. Ведь ни раньше ни позже. Потом отступили в лес и сквозь землю провалились. Мы уже тогда подозревали, что в штабе враг окопался, чувствовалась рука опытного мастера. Заметь, капитан, то, что мы прибрали этих упырей – заслуга не наша, а Колдуна, приславшего радио в армейский отдел. А уж оттуда нам приказали, чтобы мы с этим делом разобрались.

– Кто такой Колдун, товарищ майор? – спросил Мальцев.

– А тебе зачем? – Сурков прищурился. – Ты – немецкий шпион, потому и хочешь об этом узнать?

– Ну, здравствуйте вам! Спасибо, как говорится, за доверие, товарищ майор. Мало мы с вами пудов соли съели?

– Ладно, не обижайся. Кто он такой, никто не скажет. И не потому, что страшная тайна, а потому, что не знают. Это люди-призраки, их будто нет. Позывной имеется, а человек – шиш. Верхушка контрразведки только в курсе, больше никто. Оно и хорошо, а то после сегодняшних событий... – Сурков покосился на закрытую дверь. – Да, уже и не знаешь, кому доверять можно.

Глава 2

Солнечный луч пробился сквозь задернутые шторы, пробежал по нацистскому стягу, натянутому на стене, задержался у портретов Адольфа Гитлера, рейхсфюрера СС Гимmlера, обергруппенфюрера Кальтенбруннера и пропал. Облако закрыло солнце. Хозяин кабинета не любил избыточное освещение. Ему хватало настольной лампы и изогнутого светильника над картой восточной части Германии.

В просторном кабинете царила какая-то вязкая тишина. Посторонние звуки не долетали сюда ни с улицы, ни из коридора. Ковровая дорожка, массивная дубовая мебель.

Мужчина в черном мундире сидел за тяжелым канцелярским столом. На плечах витые светлые погоны, в петлицах дубовые листья. Шинель и фуражка с эмблемой в виде «мертвой головы» висели на вешалке у окна. Мужчину окутывало облако дыма. Он затушил окуроч в хрустальной пепельнице, мрачно уставился на далекую входную дверь. Настроение у него было неважное.

Этот человек органично вписывался в интерьер, весь жилистый, сухопарый, с породистым скуластым лицом. Редкие волосы зачесаны на затылок, прикрывают досадную плешь.

Мужчину звали Хайнц фон Райхенбах. Этот штандартенфюрер СС возглавлял управление полиции безопасности и СД. В зоне его ответственности находились город Майнсдорф, в котором на улице Карлштрассе располагалось управление, окрестные населенные пункты и Мозерский укрепрайон. Военными фон Райхенбах не командовал, но, согласно особому распоряжению рейхсфюрера Гимmlера, ему подчинялись части усиления ваффен-СС, а также следственные и карательные структуры.

Штандартенфюрер впал в оцепенение, закрыл глаза. Состояние его было подавленным, оптимизма и веры в лучшее уже не хватало. Он был прагматиком, понимал, куда катится этот мир и чем в обозримом будущем закончится война. Дело было только в сроках, это тоже имело значение. Остановить русские орды у ворот Германии, пусть даже временно – задача вполне выполнимая.

Породистое лицо свела судорога. Фон Райхенбах вышел из оцепенения и угрюмо уставился на семейное фото в рамке, с которым никогда не расставался. Снимок был сделан в фамильном особняке в Потсдаме четыре года назад. Белокурая Габриэлла еще не обзавелась морщинками, искренне улыбалась, была молода и хороша собой. Дочурка Изольда еще не превратилась в дерзкого подростка. Это была девочка в платье-колокольчике, лучились глаза, плелись по плечам волнистые волосы, которые Габриэлла расчесывала ей десять раз на дню.

Это был кусочек забытой жизни, хрупкая иллюзия того, что все еще вернется. Семья по-прежнему жила в Потсдаме, но содержать особняк было все труднее, а в поместье временно разместился офицерский госпиталь, на что фон Райхенбах дал свое снисходительное согласие.

Он сделал раздраженное лицо, надавил кнопку звонка.

Практически мгновенно отворилась дверь, в проеме возник адъютант Крюгер.

– Да, господин штандартенфюрер.

– Позовите Охмана.

– Слушаюсь! – Дверь бесшумно закрылась.

Штандартенфюрер встал из-за стола, прошелся по ковровой дорожке, разминая ноги, приблизился к карте, висящей на стене, и угрюмо на нее воззрился. К нему возвращались сложные чувства. Он устал с ними бороться.

Пала Варшава, советские войска уже между Вислой и Одером. Согласно неутешительным сводкам, они не останавливаются, хотя темп наступления немного снизился. Им нужно одолеть шесть оборонительных рубежей, прежде чем они подойдут к Германии. Солдаты фюрера обо-

роняются стойко, но не выдерживают напора танковых армий, постоянно выравнивают линию фронта, проще говоря, отступают.

Но даже у Советского Союза резервы не бесконечны. Русские непременно выдохнутся, завянут, встанут. Так они стояли несколько месяцев под Варшавой и равнодушно смотрели, как немецкая карательная машина расправляется с восставшими жителями польской столицы.

Фон Райхенбах верил в мощь и неодолимость последней, шестой линии обороны – Мозерских укреплений, аналога которым еще не было. Взгляд его скользил по карте с севера на юг, повторяя извилистую линию фортификационных сооружений. На севере она начиналась у городка Мозер, тянулась на юг и юго-восток почти на сорок километров, обрывалась у города Вальзе.

Большинство сооружений – подземные. Десятки километров тоннелей, прорубленных в грунте, сотни развилок. Наверху мощные доты, бронированные купола, железобетонные блок-гаузы. Минные поля, колючая проволока, лес стальных противотанковых надолбов – «зубы дракона». Множество озер, на которых выстроены дамбы, запруды, плотины. Взрывники постарались. В нужный момент плотины взлетят на воздух, и вода затопит наступающего противника.

Мозерский укрепрайон получил название «Лагерь дождевого червя» благодаря извилистым тоннелям. Структура подземелий имела форму елочки. От главной галереи расходились многочисленные ветки. Они вели к машинным залам, складам боеприпасов, соединялись с другими укреплениями. По всей системе проходила узкоколейка, по которой курсировали аккумуляторные электровозы. Для них имелись стационарные пункты зарядки. Были даже станции, где составы могли разъехаться.

Под землей находились склады, дизельные электростанции, казармы, госпитали, узлы связи и запасные командные пункты. Там тянулись системы отопления и вентиляции.

Оборонительный рубеж на востоке Германии начали строить еще в тридцатые годы и продолжали это делать до сегодняшнего дня. В отличие от прочих объектов, на нем практически не применялся труд военнопленных. Работали специалисты высокого уровня из строительной армии Тодта: гидротехники, инженеры-проходчики, бетонщики, электрики, железнодорожники. Каждый отвечал за свой участок работ и не имел понятия об истинных масштабах лагеря. В строительстве применялись все технические новинки и опыт зодчих средневековых замков.

Оборонительный рубеж был напичкан ловушками и сюрпризами. Толщина стен долговременных огневых точек доходила до трех с половиной метров, что исключало их разрушение даже гаубичной артиллерией. Все доты соединялись между собой под землей, имели аварийные выходы, лифты для подъема боеприпасов. «Лагерь дождевого червя» был полностью автономен и по замыслу создателей мог функционировать самостоятельно не менее года.

Фюрер дважды приезжал в укрепрайон и был впечатлен тем, что увидел. Противник может месяцами биться лбом об эту твердыню, терять танковые и пехотные армии. Сюда прибывали резервы. Только за последнюю неделю подошли четыре пехотных полка, два дивизиона «Фердинандов», подразделения фольксштурма и даже несколько отрядов юношей из гитлерюгенда.

Город Майнсдорф находился в средней части стратегического оборонительного рубежа. Укрепления располагались на востоке, в нескольких километрах от него. Подкрепления через город не шли, для этого использовалась объездная Линденштрассе. Над ней висел чад, подвозились орудия, боеприпасы, шли колонны грузовиков с пехотой.

Город Майнсдорф жил мирной жизнью, но по улицам курсировали патрули, работала не покладая рук полевая жандармерия. Раньше дезертиров в немецкой армии практически не было, а сейчас их стало неприлично много. Город – немаленький. До войны здесь проживали двести тысяч населения. Немцы, поляки. Последние, как правило, обслуживали первых.

Помпезная готическая архитектура, собственная опера, четыре католических храма, городская библиотека, театры, музеи.

Советская авиация Майнсдорф не бомбила, за исключением нескольких военных объектов за пределами городской черты. Здесь все оставалось целым. Организации и предприятия пока работали. Не закрывались также магазины, рестораны, кафе, многочисленные пивные заведения. Пропаганда Геббельса приносила плоды. Большинство населения свято верило, что в Германию русские армии не войдут никогда.

– Разрешите, штандартенфюрер?

Фон Райхенбах оторвался от созерцания карты, кивнул.

– Входите, Георг.

В кабинет вошел мужчина в мундире штурмбаннфюрера СС. В одной петлице – молнии, в другой – четыре куба. Невысокий, плотный, круглое лицо с умными глазами. Похвастаться военной выправкой Георг Охман не мог, но его должность того и не требовала.

– Хайль Гитлер! – Штурмбаннфюрер вскинул руку.

– Хайль Гитлер, присаживайтесь, – проворчал фон Райхенбах, небрежно махнув рукой.

Все эти церемониалы стали сильно раздражать его. Он исподлобья смотрел на подчиненного. Военную разведку представители СС традиционно не любили. И было за что. Сплошь предатели, бездари, гуманисты. За всю войну абвер не провел ни одной толковой операции, сплошные провалы и неудачи.

Именно офицеры военной разведки составляли костяк заговорщиков, покушавшихся на фюрера в июле сорок четвертого. Большинство казнили. Туда им и дорога.

Адмирала Канариса, шефа разведки, отстранили от должности, а потом и арестовали. Долго тянули с этим правильным решением. Доказать его причастность к мятежу не удалось, но это ничего не значило. Как проглядели предателя под носом?

Вильгельм Канарис принимал участие в спасении евреев, тайно сотрудничал с британцами, откровенно не любил фюрера и методы СС. Осенью сорок первого он даже возмущался массовыми расправами с советскими военнопленными, считал, что это беззаконие и его надо отменить.

Лучше поздно, чем никогда. Абвер был расформирован. Его структуры вошли в шестое управление РСХА, возглавляемое Вальтером Шелленбергом, усилили внешнюю разведку. Работники остались старые, сменилось только руководство.

Георг Охман был вроде ничего. Член СС и НСДАП. Он имел неплохую характеристику, не самую худшую расовую линию. У него были счеты к большевикам, под бомбежками которых в Кенигсберге погибли его родственники.

– Неприятные новости, герр Райхенбах, – сдержанно проговорил Охман, тиская в руках папку в кожаном переплете. – Я как раз собирался вам сообщить. Мы потеряли двух агентов – Вальтера и Плотника. Они работали при штабе дивизии, входящей в состав армии Катукова, и имели хороший потенциал. Провал по месту внедрения исключен. Эти люди были сама осторожность и осмотрительность, имели тщательно проработанные легенды. С их помощью мы собирались остановить Катукова под Выстретом. План был разработан и уже претворялся в жизнь.

– Умеете вы поднять настроение, Георг, – заявил штандартенфюрер. – Понятно, почему не сообщили сразу, тянули, ждали, пока сам вызову.

– Никак нет, герр штандартенфюрер! Сообщение мы получили вчера, требовалось время для проверки.

– Ладно. Подробности есть?

– наших людей схватили. Все произошло внезапно, они не успели принять меры. Вальтера заманили в штаб, он оказал сопротивление, но был схвачен. Плотника взяли на складе. Он пытался бежать, но его догнали. Оба попали к русским живыми, что прискорбно. Донесение

о провале отправил радист группы. Это был его почерк. Других радиogramм не было. Можно предположить, что радист погиб. Он мог сбежать и где-то спрятаться, но это не имеет значения. Для нас будет лучше, если он окажется мертвым.

– Последствия этой неудачи?

– Неприятные, штандартенфюрер, – не стал юлить Охман. – Будем задействовать других агентов. На это потребуется время, которого нам катастрофически не хватает. Эти события подтверждают наши подозрения. Сигнал за линию фронта поступил из Майнсдорфа. Наши специалисты все изучили и практически уверены в том, что...

– Продолжайте, Георг, что же вы колеблетесь? – Райхенбах сверлил подчиненного ястребиным взором. – Впрочем, все уже понятно по вашему продолжительному молчанию.

– Да, вы были правы, штандартенфюрер, – выдавил из себя Охман. – Доступ к секретной информации о наших агентах за линией фронта могли получить только люди из моего отдела. Мы уделяем повышенное внимание мерам безопасности, но, похоже, что-то пошло не так. Возможно, одного из них кто-то использует втемную.

– Не говорите глупостей! – Райхенбах поморщился. – Каким это образом их можно использовать втемную? Один из ваших людей работает на русских. Уж признайте, дружище, этот нелicenseприятный факт. Он обводит вас вокруг пальца, смеется в лицо, а вы позволяете себя обманывать.

– Вы так смотрите на меня, штандартенфюрер, словно я тоже могу быть причастен к этому. – Охман нашел в себе силы усмехнуться.

– Нет, дружище, так далеко моя фантазия не простирается. – В глазах штандартенфюрера заиграл ехидный огонек. – Впрочем, если бы я лично не знал вашего покойного отца и не был уверен в том, что вы именно тот, кем представляетесь... Ну, хорошо, не буду вгонять вас в краску. Прошу прощения за резкость. Я понимаю, что вы не можете нести ответственность за людей, которых вам дали в подчинение месяц назад. Если шпион работает в вашем отделе, то он умен, опытен и изворотлив. Скорее всего, это немец, поскольку русского человека в таком качестве я плохо представляю. Хотя могу ошибаться. Есть соображения, Георг?

– Да, герр штандартенфюрер. – Охман раскрыл папку. – Мы не были уверены, что шпион внедрен в нашу структуру, но все же соответствующую работу провели. К делу привлекались сотрудники уголовной полиции и гестапо. Использовать своих людей я, сами понимаете, не мог. История с провалом Вальтера и Плотника подтвердила это подозрение. В донесениях с той стороны фронта периодически мелькало упоминание некоей фигуры с позывным «Колдун», русского резидента на нашей территории. Где он обосновался, ясности не было. Кто он такой – тем более. Но то, что данная фигура существует и успешно работает против нас – непреложный факт. Она засекречена, о ней знают только несколько лиц из советского руководства. Есть все основания полагать, что мы столкнулись с упомянутым Колдуном, и работает он не где-нибудь, а в Майнсдорфе.

– Фактически у вас за стенкой, – проворчал Райхенбах. – Вы каждый день имеете честь его лицезреть.

Он добился своего.

Охман смутился, но продолжал говорить:

– Служба пеленгации несколько раз засекала работу чужой радиостанции в пределах Майнсдорфа. Но сеансы были краткие, радист постоянно менял место. Выявить его нахождение не удалось. Теперь к делу, господин штандартенфюрер. С помощью привлеченных специалистов была проведена тщательная работа, выявлялись люди, имевшие возможность получить сведения о наших агентах. Человек, работавший непосредственно с Вальтером и Плотником, вне подозрений. Это майор Кольб, сотрудник надежный и проверенный. Подозревать его глупо.

– Согласен, – бросил Райхенбах. – Человек не будет проваливать агентов, которых сам же и создал.

– Под подозрением трое. – Охман раскрыл кожаную папку, извлек несколько подшитых дел с оттиском орла, вцепившегося в свастику. – Сначала было семеро, сузили до троих. Хотите ознакомиться, штандартенфюрер? Или у вас есть более важные дела?

Райхенбах предпочел не заметить иронии в голосе штурмбаннфюрера. Он сел за стол, разложил перед собой бумаги, погрузился в изучение. Охман висел над душой, давал пояснения.

Фон Райхенбах определенно видел этих людей. По зданию в центре Майнсдорфа снует прорва народа. Половину из них давно пора отправить на фронт! Он со скепсисом переключал папки, всматривался в лица. Все трое – в звании капитана, никогда не были членами СС, не состояли в НСДАП. Хотя, безусловно, сочувствовали идеологии фюрера, как же без этого.

Рудольф Кромберг, ростом выше среднего, телосложение плотное, хорошо развит физически. Тридцать шесть лет, начинал службу в разведке еще в Веймарской республике, упраздненной в тридцать третьем году. Сияющих высот в карьере не достиг. Служба в Испании в конце тридцатых, затем дружественная Италия, Польша, преподаватель-инструктор в школе подготовки диверсантов. На Восточном фронте не воевал, последние два года провел в Кракове, занимался сбором разведданных о сухопутных войсках противника. Имеет поощрения от руководства, парочку незначительных взысканий.

С супругой расстался перед войной. Она с дочерью переехала к своим родителям в Мюнхен. Связь с родными Кромберг почти не поддерживал, то есть хорошим семьянином не являлся.

В Майнсдорфе он тоже занимался сбором разведданных о наступающих частях Красной армии, проводил допросы немногочисленных пленных, занимался анализом добытых сведений. Нареканий от начальства нет, с работой справляется.

В личном плане любит выпить, что, впрочем, не мешает службе. Неоднократно замечен в компании женщин сомнительного поведения. Проживает в служебной квартире на Анхенштрассе.

С другой фотографии смотрел мужчина лет тридцати пяти. Прическа короткая, лицо правильное, симметричное, но начисто лишённое эмоций. Мартин Коффман, в разведке с сорокового года, до этого служил в полиции города Бремен. С сорокового по сорок первый – служба в Северной Африке в соединениях Роммеля. Потом переведен в Берлин, через полгода – Западная Белоруссия, подготовка радистов для заброски в советский тыл. Работа с советскими военнопленными, обработка разведданных военного характера и другой информации на основании трофейных документов.

Летом сорок четвертого в составе своей команды пробыл на запад из советского окружения. Со слов очевидцев тех событий, проявил мужество и стойкость.

Семьи на данный момент нет. В тридцать девятом году, проживая в городе Бремне, сочетался браком с некой Генриеттой Шиндлер, но не прошло и года, как супруга умерла при родах. Спасти ребенка тоже не удалось.

Через несколько месяцев Коффман навсегда покинул Бремен, сменил сферу деятельности. Замечаний по службе нет, выпивает в меру, проживает в арендованной квартире на Бихтерштрассе. Хозяйка – молодая вдова Эрика Зауэр, с которой он поддерживает интимные отношения и практически это не скрывает. Подобные вольности офицерским кодексом чести не поощряются. Но кого это сейчас волнует?

Отто Беккер – тоже гауптман, кавалер Железного креста, отличился на Восточном фронте. Тридцать четыре года, уроженец Штутгарта, где год назад скончалась его мать, Эльза Беккер.

Убежденный холостяк, никогда не был женат, считает, что семья – это развлечение для мирного времени.

В военной разведке с тридцать восьмого года. Служба в Чехословакии, в Силезии. В сорок втором и сорок третьем годах трудился в разведывательном отделе группы армий «Юг», вел работу среди крымских татар и представителей горных кавказских народов. Впоследствии занимался техническим обеспечением контрразведывательной деятельности.

Получил ранение на Северном Кавказе, от которого остался шрам на левой скуле. Подвержен приступам мигрени, с которыми стоически справляется. После ранения переведен на Западный фронт. Имеет поощрение от командования за участие в Арденнской операции, где немецкие войска нанесли поражение союзникам, сковали их основные силы и задержали наступление на шесть недель. Четыре недели назад переведен в Майнсдорф, усилил местную группу разведки и контрразведки.

Претензий по службе нет, вольностей не допускает. Много работает, практически не имеет времени для отдыха.

Проживает в многоквартирном доме на улице Нойхаузер, что в трех шагах от центральной Карлштрассе. Эта квартира пустовала, вселение происходило с согласия регистрационно-хозяйственной службы.

В Майнсдорфе также проживает его сестра, одинокая женщина, но видятся они редко. У нее свое жилье.

Беккер – человек замкнутый, в подозрительных связях не замечен, может после работы пропустить пару кружек пива.

С фотографии смотрел мрачноватый субъект с тонким аристократическим лицом и въедливыми глазами.

Фон Райхенбах задержал взгляд на последнем снимке, закрыл папку, исподлобья глянул на Охмана и заявил:

– Присаживайтесь, Георг, не маячьте над душой, это неприятно. Слово тень отца Гамлета давит. – Штандартенфюрер дождался, пока Охман присядет, и спросил: – Вы уверены, что наш Колдун – один из этой троицы?

– Не уверен, штандартенфюрер, – не стал юлить Охман. – Но все остальные в нашей группе – точно нет. У этих, по крайней мере, есть возможность. Другие офицеры контролируются, у троих – семьи, остальные проживают в общежитии и всегда на виду. У них отсутствует даже теоретическая возможность получить сведения о нашей агентуре.

– Фигуранты контактируют с майором Кольбом?

– Напрямую по службе – нет. Но могут общаться где угодно. В столовой, в коридоре во время перекура, на улице. С майором Кольбом мы беседу не проводили. Это могло бы насторожить фигурантов.

– Ваши привлеченные люди долго работали по этой троице. Уверены, что им удалось сохранить секретность? Учтите, если наша фигура что-то заподозрит и насторожится...

– Работало гестапо, штандартенфюрер. Эти парни знают, как блюсти секретность, уверяю вас. Обычная кадровая проверка. Они периодически проводятся.

– Что сами думаете об этих троих?

– Признаюсь честно, не имею оснований их подозревать. Работники добросовестные. Мелкие грешки... но у кого их нет? Близко с ними незнаком, отношения только служебные, о личных делах не говорили. Хотите спросить, кого из них я считаю врагом? Это трудный вопрос, герр штандартенфюрер. Если откровенно, то нахожусь в замешательстве. За все годы моей службы ничего подобного не случилось. Мне не приходилось выявлять вражеского агента в собственных рядах.

– Не забывайте, что все эти биографии могут оказаться искусно сфабрикованной липой. Многие архивы пограничной работе пребывают в плачевном состоянии. В структурах Германии – неразбериха, особенно в последнее время. Кадровые и учетные службы работают из рук вон плохо, и это даже не их вина. Вы понимаете, что я хочу сказать. Войска отступают вто-

рой год, документы теряются. Их могли сфабриковать, заменить одну личность другой. Советская разведка, к сожалению, на этом поднаторела. Она уже не тот беспомощный ребенок, что несколько лет назад. Изучите, насколько такое возможно, прошлое этих людей, сделайте соответствующие запросы, телефонные звонки. Малейшие нестыковки или несоответствия могут дать пищу для размышлений.

– Я понимаю... – Охман замялся, но все же решился и продолжил: – Давайте смотреть правде в глаза, штандартенфюрер. У нас совершенно нет времени. В наших структурах наблюдаются падение дисциплины и нерадивое отношение к обязанностям. Скоро все смешается. До некоторых служб мы уже не можем дозвониться, приходится отправлять посыльных, а это трата времени. Мы можем изолировать всех троих. Тогда Колдун точно прекратит работу, пусть мы и не сразу выясним его личность.

– Мне тоже приходила в голову такая мысль. – Райхенбах сухо улыбнулся. – Но пока повременим. Последите за фигурантами несколько дней. Они погоды не сделают. Нужно выявить шпиона. Поиграем с ним. В случае успеха, если удастся его прижать и заставить работать на нас, мы получим все шансы переломить военную ситуацию между Вислой и Одером. Если сами не будем вести себя как ослы. Понимаете мою мысль, Георг? Это, вообще-то, ваша работа. Нужно объяснять, что судьба войны решается не только на полях сражений?

– Я все понимаю, герр штандартенфюрер.

– Есть что-то на фигурантов, не вошедшее в личные дела?

– Не уверен, штандартенфюрер, что мы успели все собрать. У Коффмана неделю назад разболелась нижняя челюсть, на него было страшно смотреть. Я сам порекомендовал ему обратиться в зубоорудебный кабинет. Сейчас он через день посещает дантиста на улице Ригербан, проходит лечение. Похоже, заражение в десне, а он не следил за своим здоровьем. Жалуется, что потерял несколько зубов. Хорошо, что их отсутствия не видно. Ему еще целую неделю придется навещать ненавистный кабинет.

– Дантиста проверили?

– Этим занимаются люди из уголовной полиции. Надеюсь, им хватит опыта не перевернуть там все вверх дном.

– Хорошо, что еще?

– Кромберг несколько раз посещал бордель на Унгерштрассе, проводил там ночи, уходил перед рассветом. Как я говорил, он не чурается выпивки, хотя и пытается соблюдать норму. Мы закрываем на это глаза, понимаем, как пакостно на душе не только у него. С обязанностями справляется. Несколько раз по делам службы посещал Мозерский укрепрайон. Отто Беккер два дня назад навестил сестру, проживающую на улице Городских Старейшин у церкви Святого Вознесения. С семейными узами там что-то не в порядке, и все же он нанес ей визит. Мы проверили. Там действительно проживает некая Тельма Беккер, особа незамужняя, больная, недавно выписалась из лазарета Святой Терезы, где оказалась по поводу больной печени. Есть подозрение, что она страдает алкоголизмом.

– Продолжайте работу, Георг, – сказал Райхенбах. – За всеми фигурантами установить плотное наблюдение, но так, чтобы не вызвать у них подозрения. Я позвоню в Веймиц, нам выделяют людей, а то у наших лица уж больно знакомые. Докладывайте мне обо всех новостях и не забывайте о дефиците времени. Дела на Восточном фронте идут не самым блестящим образом. Идите, Георг.

– Слушаюсь, штандартенфюрер!

– Подождите. – Фон Райхенбах поднял глаза, устремил на собеседника тяжелый взор. – Вы верите в нашу победу?

– В каком смысле, герр штандартенфюрер? Простите, но вы меня обескуражили. Я искренне убежден в том, что успехи Красной армии и наши неудачи – все это временное явление. Германия никогда не будет под большевиками. У нас огромные ресурсы, неиссякаемый

потенциал. Вот-вот заговорит оружие возмездия, о наличии которого постоянно напоминает нам фюрер. Поднимется вся страна. Можно даже допустить, что русские войска дойдут до Одера, пусть не сразу, потеряют на пути пару-тройку армий. Но как они преодолеют Мозерский укрепрайон, растянувшийся на сорок километров? Об него сломает зубы любая армия, не только Красная. Отвечаю еще раз на ваш вопрос, штандартенфюрер. Русские в Германию не войдут.

– Вопрос был о другом, Георг. Вы верите в победу нашего оружия?

– Безусловно. – Штурмбаннфюрер невольно вытянулся. – Однако будем реалистами. Это произойдет не в текущем году. Нам следует учесть ошибки, накопить силы.

– Ладно, идите. – Райхенбах пристально смотрел на широкую спину штурмбаннфюрера, пока за ним не закрылась дверь.

А ведь вроде не дурак.

Глава 3

Два легковых автомобиля въехали на улицу Ундерштрабе поздним вечером. Юго-западная окраина, невысокие дома с элементами архитектурного стиля фахверк, много деревьев.

Снега в городе было немного. С основных магистралей он выдувался ветром, остальное убирали дворники. Сугробы белели лишь среди голых деревьев да у фасадов зданий, выходящих на дорогу.

Этим вечером дул сильный ветер. Он выгнал с улиц прохожих.

Автотранспорт здесь почти не ходил. На Ундерштрабе не было государственных или военных объектов.

«Фольксваген» и «Опель» остановились у закрытого продуктового магазина. Восемь человек в штатском покинули машины. На них были темные пальто, утепленные шляпы.

Сигнал о сборище подпольщиков прошел по линии гестапо. Эта почтенная организация и взялась за дело.

Мужчина с женщиной пошли по улице. При этом дама взяла кавалера под руку. Других представительниц прекрасного пола в группе не было. Остальные по одному просочились во двор ближайшего строения и пропали.

Группа соединилась у скромного трехэтажного здания. В доме были два подъезда и дюжина квартир. В некоторых окнах за шторами поблескивал свет. Электричество отключали через день, но сегодня оно было.

Сотрудники гестапо действовали оперативно. Двое встали снаружи, под окнами, остальные отправились в подъезд. На третьем этаже произошла заминка. Дверь оказалась прочнее, чем предполагали гестаповцы. Стучаться они не собирались, рассредоточились по площадке, достали оружие. Двое ударили в дверь, рассчитывая с ходу ее выбить. Она устояла, хотя и затрещал косяк, куда был встроен замок.

– Кретины! – сказала, припадая к стене, белокурая Эмма Фишер, сотрудница тайной полиции в звании унтерштурмфюрера.

Мужчины ударили вторично. Дверь распахнулась, повисла с перекосом. Но внутри уже все поняли, загремели выстрелы. Один из сотрудников тайной полиции был убит наповал, упал в проходе, потерял элегантную шляпу. Второй схватился за простреленное плечо. Напарники оттащили его от проема, прислонили к стене. Гестаповцы открыли беспорядочный огонь в дверной проем.

Из квартиры им отвечали. Там истошно кричала женщина, ругались мужчины. Дом замер в страхе. В квартире кто-то вскрикнул, послышался звук падающего тела. Двое гестаповцев кинулись внутрь, стреляя из штатных «вальтеров». Началась суматоха.

Распахнулось окно на третьем этаже. Посыпалось стекло. В квартире продолжали греметь выстрелы.

На подоконник взгромоздилась женщина. Ее прекрасно видели гестаповцы, оставшиеся на улице. Она прыгнула и повисла на пожарной лестнице, которая проходила в полутора метрах.

Следом на подоконник влез мужчина, обернулся, выстрелил из пистолета и понял, что патроны в обойме закончились. Он отшвырнул оружие, приготовился прыгнуть на пожарную лестницу. Тут пуля попала ему в спину. Подпольщик охнул, повалился головой вниз, проделал в воздухе кувырок, рухнул на спину и раскинул руки.

К нему подошел гестаповец, ногой потрогал тело. Мужчина в сером вязаном свитере был мертв.

Женщина висела на лестнице и стонала. Прыжок оказался неловким, подвернулась нога, попав под перекладину. Вторая срывалась. Слабые руки вцепились в перекладины, но быстро

разжались. Она завизжала, когда нижняя конечность сломалась в суставе. Женщина падала вниз головой, билась о перекладыны. Сугроб под лестницей не спас ее. Хрустнули шейные позвонки.

Когда сотрудник тайной полиции за ноги вытащил женщину из снега, голова ее была неестественно вывернута, поблескивали глаза, в которых был запечатлен нечеловеческий ужас. Гестаповцы переглянулись, пожали плечами.

Шум в квартире уже стих. Все закончилось. В узком коридоре лежал мужчина в кожаной безрукавке. Пуля вошла ему в челюсть, и нижняя часть лица практически отсутствовала. В гостиной было нечем дышать от порохового дыма. Противники настрелялись вволю.

Еще один труп лежал на полу, в костюме, в глазах обида, лужа крови под животом.

Пятой была женщина. Гестаповцы взяли ее живой. Она пыталась покончить с собой, выстрелить в сердце, но ей не хватило решимости. Пистолет у нее отобрала расвирипевшая блондинка Эмма Фишер, свалила на пол ударом кулака. Женщина стонала, из глаз ее текли слезы. Сравнительно молодая, неплохая собой. Волосы были собраны гребнем на затылке, но от удара растрепались. Они лезли ей в рот, женщина давилась.

– Попалась, тварь! – Эмма схватила ее за горло, ударила в глаз, полюбовалась проделанной работой.

– Достаточно, фрау Фишер, – строго сказал скуластый мужчина, оберштурмфюрер Калленберг. – Хотите, чтобы и она сдохла?

– Виновата, увлеклась. – Эмма оторвалась от жертвы, одернула шифоновую сорочку под элегантным жакетом, стала застегивать пальто. – Доставим в управление, там и поговорим. Посмотрим, что за птица. Что с Краусом?

– Ничего хорошего. – Калленберг пожал плечами. – Мертв. Бедная Гертруда, ей еще предстоит узнать об этом. Лампрехт ранен в плечо. Так, господа, эту особу отвести в машину и доставить в управление. Шеллинг, Ляйтнер, пройти по соседским квартирам, поговорить с жильцами. Кто такие, как часто собирались, кого еще видели? Если внушают подозрение, забирайте и их. Тщательно обыскать квартиру! Нам нужна рация.

Гестаповцы обшарили все жилище, взломали половицы, простучали стены. Тайник нашли в кладовке, за фальшивой стенкой. В нем лежали несколько пистолетов, запасные обоймы, восемь шашек динамита и пара поддельных удостоверений сотрудников полевой жан-дармерии. Рацию не нашли ни в собранном, ни в разобранном виде.

В комнатах для допроса до утра горел свет. Периодически раздавались звуки ударов, стонала женщина.

Калленберг не выдержал первым, вышел из комнаты, сполоснул лицо под краном, порывшись в пачке, извлек сигарету, закурил. Эмма Фишер объявилась через пару минут, под протяжный стон и шум воды, льющейся из ведра. Сменить гражданскую одежду на форменный мундир Эмме так и не удалось. Она раскраснелась, вспотела, сбились на лоб белокурые кудряшки, твидовый жакет был расстегнут. На костяшках кулачков осталась кровь. Эмма косо глянула на коллегу, стала мыть руки. Калленберг курил и с интересом поглядывал на ее зад, обтянутый юбкой.

Эмме недавно исполнилось тридцать, но она в полной мере сохранила женскую привлекательность. Невысокая, фигуристая, со всеми положенными изгибами и выпуклостями, от которых было трудно оторваться.

– Прекращай разглядывать мои прелести, – буркнула женщина. – Дай лучше сигарету. Мой бог, как же я устаю на этой работе, – посетовала Эмма, развалившись на стуле и с наслаждением выдыхая дым. – Вот не поверишь, Леонард, с евреями было легче. Порой жалею, что их уже не осталось. Такая трепетная и сговорчивая публика была. На расстрел шли без всякого ропота.

– Но ты любишь свою работу, иначе давно бы ее сменила, – заметил Калленберг.

– Но кто-то же должен. – Эмма усмехнулась, поправила волосы. – Охман приходил, когда узнал, что мы накрыли логово подпольщиков. Просил выяснить, не знает ли задержанная некую фигуру с позывным «Колдун». Для него это крайне важно, видите ли. Вот так всегда. – Эмма всплеснула руками. – Эти белоручки хотят остаться чистенькими, а мы за них должны делать грязную работу.

– Но кто-то же должен. – Калленберг усмехнулся. – И какие успехи?

– Говорит, что не знает. Я склонна верить, что так и есть. Она не знает даже своих ближайших сподвижников. Так устроена структура подполья. Есть маленькие ячейки. Их члены знают только друг друга, больше никого. И это грамотно, иначе мы давно бы всех переловили. Лучше был информирован руководитель ячейки, но его мы сегодня убили. Это Карл Вагнер, начальник участка в городской типографии. Данная группа, кстати, готовила взрыв в нашем управлении, добыла динамитные пашки. Они договорились с дворником, убирающим территорию, собирались устроить взрыв, когда мы будем эвакуироваться в связи с неудержимым наступлением Красной армии. Чушь какая. – Эмма устало усмехнулась. – Насколько я знаю, никто не собирается пускать сюда Красную армию. Но эти наивные люди имеют свое мнение на этот счет. – Эмма покосилась на дверь, потом на свой ободранный кулачок и продолжила: – Между прочим, данную особу зовут Магда Штильгер. Мы с ней уже встречались года четыре назад. Ее подозревали в укрывательстве евреев, но доказательств не нашли, дело закрыли, посчитав, что это наветы злопамятной соседки. Ее оставили в покое. Все-таки немка. И, кажется, зря. Ладно, пойду еще поговорю с фрау Штильгер. – Эмма поднялась, оправила жакет. – Примешь участие, Леонард?

– Да, через пару минут. Ты такая трудолюбивая, Эмма. Готова и по ночам работать. Как твой Франк мирится с этим? Ведь у них в железнодорожном ведомстве нет такой нервотрепки и сверхурочных часов.

– В их ведомстве есть свои нюансы. – Эмма улыбнулась. – Франк меня терпит, любит, уважает. И будет терпеть ровно столько, сколько потребуется.

Эмма поднялась и, грациозно покачивая бедрами, удалилась в комнату для допросов.

Компрессор в зубокабинетной клинике на улице Ригербан обслуживал несколько стоматологических установок и размещался в отдельном помещении, чтобы снизить шум. Управление бормашиной осуществлялось с помощью педали. Она монотонно поскрипывала, надрывно свистел аппарат. Шум стоял серьезный, и не только в кабинете, но и в коридоре, где несколько посетителей дожидались своей очереди.

Пациентов принимала фрау Циммер, второго врача не было по причине болезни. Люди в очереди молчали. Молодая женщина нервно сглатывала, как будто во рту у нее уже крутилось сверло бормашины. Пожилая дама прижала платок к правой скуле. Ее морщинистое лицо выражало мировую скорбь. Мужчина средних лет с седыми висками настороженно водил ушами.

– Герр Коффман, расслабьтесь! Ну что вы, в самом деле, как маленький! – возмущалась за дверью фрау Циммер в перерывах между визгом сверла. – Потерпите еще минутку, а потом мы вам поставим временные пломбы.

Сверление оборвалось. Люди в коридоре облегченно вздохнули и расслабились. Фрау Циммер понизила голос, что-то ворковала.

Через пару минут из кабинета вышел подтянутый мужчина среднего роста в мундире гауптмана. Он был бледен, ни на кого не смотрел, закрывал ладонью нижнюю челюсть, словно она грозила отвалиться, и, покачиваясь, направился к выходу.

Из коридора выглянула фрау Циммер, худая женщина лет сорока с темными волосами, насмешливо уставилась в спину офицеру и проговорила:

– Герр Коффман, не забывайте, что это временные пломбы, а внутри у вас мышьяк. Он должен убить поврежденные нервы. Не вынимайте ватку в течение получаса. Надеюсь, у вас

хватит мужества и завтра прийти на прием. Вы сами виноваты в том, что затянули свой пульпит!

Тактом и деликатностью эта особа явно не отличалась.

Офицер поспешил удалиться. Фрау Циммер застыла в дверях, обвела внимательным взглядом присутствующих.

– Так, фрау Топплер, проходите, ваша очередь. Исходя из того, что я вижу, вы не очень старательно отнеслись к моим рекомендациям. Фройлен Эберман, вам придется подождать. Вы же не умираете от боли. А вы записывались на прием? – обратилась она к седоватому мужчине. – Мы с вами, кажется, не знакомы.

– Я передумал, фрау Циммер, найду в другой раз, если не возражаете, – сказал мужчина, сглотнул, опустил глаза в пол и поспешил покинуть заведение.

Докторша посмотрела ему вслед и пожала плечами.

Мужчина забрал пальто с вешалки, на ходу надел его. На улице он облегченно выдохнул и покосился на дверь с пружиной, которая шумно закрылась у него за спиной.

Капитан Мартин Коффман ушел недалеко. Он пересек дорогу и все еще держался за свои больные зубы. Налетел порыв ветра. Коффман поднял воротник шинели. Он резко обернулся, когда просигналил водитель грузовика, проезжающего мимо, прогоняя с дороги хромающую пожилую фрау.

Мужчина с седыми висками быстро отвернулся, сделал вид, что его привлекли газеты, выставленные в киоске.

Ничего нового пресса не писала. Враг еще далеко, будет разбит на подступах, и только трус и паникер могут утверждать обратное. Никогда нога русского солдата не испоганит священную землю! О том, что русская армия уже бывала в Берлине, немецкие газеты скромно умалчивали.

Когда филер оторвался от киоска, Коффман уже уходил по противоположной стороне улицы. Он шагал не очень уверенно, потом остановился, закурил, жадно выдохнул дым. Люди, страдающие зубами, часто курят, лелея иллюзию, что табачный дым утоляет боль. Результат, по-видимому, был противоположный. Коффман сделал несколько шагов и выбросил сигарету. Больше он не останавливался, ни с кем в контакт не вступал.

Филер перебежал дорогу, пристроился в хвост. Коффман свернул в переулок, и сотрудник службы наружного наблюдения сделал то же самое. Гауптман не оглядывался, переулком выбрался на Карлштрассе и через минуту прошел в ворота, за которыми размещались управление полиции безопасности и СД.

Наблюдать за фигурантом в здании в задачу филера не входило. Он устроился в кафе на углу, выбрал столик у окна. К нему подошла официантка, этот тип показал ей документ и попросил больше его не беспокоить. Работница заведения поспешила удалиться.

Коффман находился в здании до четырех часов пополудни. Сотрудник полиции успел заскучать.

Несколько раз начинал сыпать снежок, но быстро прекращался. На улице работал дворник с лопатой. Неприятно скрежетало железо, соприкасаясь с камнем.

По улице прошла колонна мотоциклистов, и воздух пропитался гарью. Доступ к качественному топливу для Германии, ввиду потери нефтеносных районов Румынии, был закрыт. Военная техника работала на синтетическом бензине, низкогокачественном и ненадежном.

Коффман вышел с работы в шестом часу вечера. Он козырнул часовому, застывшему у полосатой будки, попрощался за руку с коллегой, носящим франтоватую фуражку с задранной тульей. Гауптман поднял воротник, двинулся по улице и через пять минут вошел в заведение «Бегемот», на вывеске которого помимо африканского животного красноречиво красовалась пивная кружка.

Филер покурил на улице и тоже зашел в заведение. Там было уютно, но в обстановке, посетителях, обслуживающем персонале чувствовалась некая растерянность. Половина столиков пустовала. Но все работало, пенилось пиво, с кухни доносились ароматы свежей выпечки.

Коффман сидел за столиком в углу. Рядом с ним стоял официант в фартуке, записывал заказ. Вид у капитана был неважный, он уже не держался за челюсть, но был каким-то усталым, бледным.

Сотрудник гестапо пристроился за соседним столом, уткнулся носом в меню. Коффман на него и глазом не повел.

Официант, хромоногий молодой человек с вытянутым лицом, подошел к филеру. Тот вынужден был попросить кофе.

Свой заказ гауптман получил оперативно. Он осторожно перетирал больными зубами свинину с сосисками, запивал еду густым пивом.

От стойки бара оторвался мужчина в темно-зеленом френче с редким бобриком и ногами, как у кавалериста, подошел к Коффману с пивной кружкой в руке.

Соглядатай насторожился.

– Мое почтение военной разведке, Мартин, – сказал человек во френче.

– Лучшие пожелания полевой жандармерии. Присаживайся, Франц. Давненько не виделись. Другое заведение облюбовал?

– Вернулись сегодня утром, – пояснил Франц. – Выезжали на линию Жлаков – Гнездиц для ведения патрульно-постовой службы. Получили сутки на отдых, завтра снова в путь. Неважно выглядишь, дружище.

– Зубы, – лаконично объяснил Коффман. – Пульпа вскрылась, страшное дело, хоть всю челюсть выноси. Всю неделю к врачу хожу, от этих визитов только хуже становится.

– Понимаю, приятель. Когда такое случается, запускать нельзя. Я однажды тоже запустил, потом неделю на стенку лез, жить не хотелось. Но это не беда, пройдет.

– Сам-то как поживаешь? Ты тоже, Франц, не похож на викинга.

– Служба убивает, – признался собеседник. – Вам хорошо у себя в кабинетах, не видите ничего, а на фронте такое творится! Получен приказ казнить на месте, без суда и следствия, всех дезертиров. Откуда они взялись? У нас никогда не было дезертиров, так, единичные случаи. А сейчас просто валом валят, все леса ими забиты, прячутся, выдают себя за гражданских. Вчера мы расстреляли полтора десятка парней по приказу оберст-лейтенанта Оффенбаха. Вывели за пределы дороги, у оврага выстроили. Они кричали, плакали, просили не убивать. Кто-то уверял, что он не дезертир, а просто от части отстал, потерялся. Жуть какая-то первобытная, дружище! – Франц передернул плечами. – На такое там посмотрелся! Я сам стрелял, отправлял людей на тот свет. До сих пор их лица перед глазами.

– Сочувствую, – пробормотал Коффман. – Но это правильная мера, время такое. Нужно расстреливать, чтобы другим неповадно было. Только так мы сможем вернуть дисциплину в войска. И не надо их слушать, в глаза смотреть, сочувствие проявлять. Будем так себя вести, свихнемся быстро. Выполнять приказ, стоять на рубежах, биться до последнего!

Офицеры замолчали, погрузились в задумчивость.

До текущего года полевая жандармерия представляла собой лишь вооруженную полицию. Ее сотрудники следили за дисциплиной в войсках, регулировали движение. В военное время им предписывалось задерживать отступающих солдат, формировать из них временные части и отправлять обратно на фронт, туда, где ситуация становилась кризисной. Сотрудники военной полиции носили на груди цепи с бляхами, за что их и прозвали цепными псами.

По мере продвижения Красной армии в глубь Европы в немецких частях стали появляться дезертиры. Со временем это стало массовым поветрием. На полевую жандармерию были возложены карательные функции, ей приказали расстреливать дезертиров, да так, чтобы видели другие. Ее сотрудники превращались в роботов, бездушно выполняющих приказ. С

конкретными случаями они не разбирались, всех чесали под одну гребенку. Теперь им разрешалось казнить и гражданских лиц, уличенных в распространении панических слухов. Под пулю могли попасть не только дезертиры, но и люди, заподозренные в проявлении неуверенности в победе Германии. А в этот разряд мог угодить каждый второй, что только способствовало распространению всеобщего страха.

– Ты прав, Мартин, – глухо произнес Франц. – Все эти меры оправданны, по-другому просто нельзя. Ничего, мы привыкнем к новым условиям, избавимся от чертовой жалости, которая нас только губит. Что слышно в ваших сферах? Скоро наступать начнем?

– Скоро, Франц. Не могу назвать точные сроки, но наступление неизбежно.

– Вот черт, какое мерзкое здесь стало пиво! – заявил офицер полевой жандармерии. – И еда не лучше. Раньше был ассортимент, а теперь лишь квашеная капуста с рыхлыми сосисками. Нужно сильно проголодаться, чтобы это есть. Ты заметил закономерность? Чем сильнее мы погружаемся в дерьмо, тем отвратительнее становится еда? Ладно, приятель, счастливо оставаться, мне еще выспаться нужно.

Мужчины пожали друг другу руки. Франц оставил на столе пустую кружку, заспешил к выходу. Коффман закурил сигарету и уставился в пространство, потом зашевелился, бросил на стол несколько мятых купюр, кивнул официанту.

Едва хлопнула дверь, сыщик тоже поднялся, оставил на столе несколько рейхсмарок и заспешил на выход.

Коффман шел по тротуару, свернул на прилегающую улицу, где раньше работали роскошные рестораны и дорогие магазины. Теперь большинство дверей было заперто. Он обернулся, словно почувствовал взгляд сыщика. Тот уткнулся в афишную тумбу. Глупо, но больше некуда. Театры не работали, тем более опера, в обрывок афиши которой он и уставился. Дальше Коффман не оглядывался, шел, игнорируя прохожих, не заметил унтер-офицера, отдавшего ему честь.

Почти стемнело. Мартин Коффман свернул на Бихтерштрассе, где снимал комнату в квартире на первом этаже.

Сыщик вздохнул. Ничего интересного, нечем похвастаться перед начальством. Дальнейший ход событий только подтвердил эту невеселую мысль.

Коффман проживал на первом этаже четырехэтажного жилого дома. Он поднялся на крыльцо и пропал в подъезде.

Номер квартиры сыщик знал. Он не рискнул входить в здание, свернул за угол, вышел на задний двор, где было безлюдно и неухоженно. В нескольких окнах горел свет. Дом не был переполнен жильцами. Шторы в угловой квартире были задернуты неплотно.

Сыщик посмотрел по сторонам, схватился за водосточную трубу, взобрался на фундамент и прильнул к щели между занавесками. Здесь была кухня. Горела мутная лампа.

Молодая особа в кофте и плотной юбке что-то резала на разделочной доске. В скудном свете выделялся ее обостренный профиль. Она была неприлично худа. На ее плечи был наброшен шерстяной платок. Дома на этой улице имели подключение к паровому отоплению, но тепло подавалось чисто символически, население мерзло.

Женщина насторожилась, повернула голову. В кухню вошел Коффман, что-то бросил ей. Она изменилась в лице, оставила нож, прижалась к груди гауптмана, потянулась губами, поцеловала его в щеку, успевшую обрасти щетиной.

«Хозяйка квартиры, – догадался филер. – Нашла себе жильца по душе».

Гауптман как-то дежурно приобнял женщину и тут же отстранился от нее. О чем они говорили, сыщик не слышал. Фрау Зауэр вернулась к работе по кухне.

Коффман потянулся к верхней полке, снял початую бутылку коньяка, прихватил свободным пальцем стакан. Он сел за стол, наполнил стакан наполовину, медленно, с чувством выпил. Женщина украдкой покосилась на него и вздохнула.

Взгляд фигуранта стал пустым и неподвижным, устремился в щель между занавесками. Он не должен был заметить филера, и все же у того возникло чувство, будто он смотрит ему прямо в глаза. Это было неприятно. Сыщик обхватил изогнутый край карниза и стал слезать на землю.

За Рудольфом Кромбергом тоже осуществлялось наблюдение. Двое сыщиков сидели в невзрачном «Опеле» и усердно боролись со сном. Рабочее место капитан Кромберг пожелал покинуть только после обеда. Никакие заведения он днем не посещал, очевидно, отобедал в офицерской столовой.

«Фольксваген» выехал из ворот в половине третьего, свернул к собору Святого Павла. «Опель» последовал за ним и недолгое время держался за переполненным городским автобусом. Но тот плелся, как подстреленная черепаха. Водителю «Опеля» пришлось обогнать его и даже пару раз опередить «Фольксваген», чтобы не тащиться за ним столь вызывающе. За рулем этой машины был определенно Кромберг, человек крупный, плечистый.

Он держал путь на западную окраину, поплутал по переулкам и выбрался к обветшалому трехэтажному зданию, обнесенному забором. Решетчатые ворота были открыты. Въезжали и выезжали машины, сновали люди в штатском. Сюда, на окраину Майнсдорфа месяц назад переехала из Кракова разведшкола абвера.

За воротами прохаживался часовой. Он был одет в немецкую форму, но шинель висела на нем мешковато, каска была явно велика, и в физиономии явственно сквозило что-то неарийское. В подобные заведения в качестве курсантов традиционно набирали советских военнопленных, выходцев из союзных республик. Складывалось впечатление, что режим секретности здесь – не главное.

Кромберг терпеливо дождался, пока с территории удалится грузовик, въехал внутрь, показал пропуск часовому, после чего подвел машину к крыльцу и покинул салон. Он закурил, посмотрел на дорогу, тут же выбросил сигарету и взбежал на крыльцо.

Филеры поставили «Опель» на другой стороне дороги и снова погрузились в сонное созерцание.

Посещение абверштелле входило в служебные обязанности капитана. Он вышел оттуда через полтора часа, к началу сумерек. С ним были офицер и женщина в военном френче и галифе.

Она не была красавицей, но внимание привлекала. Острый нос, вытянутое лицо, сосредоточенная мина, с которой эта особа что-то внушала Кромбергу. Тот слушал ее с заметным недовольством, покачивал головой. Офицер козырнул и удалился, остались Кромберг с женщиной. Они продолжали общение. Вернее, дама говорила, а Кромберг слушал. Возможно, она занимала какую-то начальственную должность в разведшколе.

Задним ходом к крыльцу подъехал грузовик. Водитель отбросил борт. Из здания потянулись люди с тюками и ящиками, грузили свою ношу в кузов. Мужчина с женщиной хмуро смотрели на них. Все это смахивало на эвакуацию.

Кромберг козырнул, сбежал с крыльца и направился к машине. Собеседница как женщина его не привлекала. Чего нельзя сказать о ней. Она пристально посмотрела ему вслед, потом вздохнула и скрылась в здании.

«Фольксваген», недовольно фырча, покинул территорию учебного заведения. «Опель» без задержки пристроился в хвост.

Рабочий день для Кромберга, похоже, закончился. Он медленно ехал по центральной части города, проследовал мимо оперы на Георгплац, детского приюта Святой Жозефины, офицерского госпиталя. Развлекательные заведения на этой улице работали через одно. «Фольксваген» притормозил было у ресторана «Феникс», однако Кромберг передумал и поддал газу.

В соседнем квартале работало заведение «Потсдам». Оно было скромнее «Феникса» и имело неважную репутацию. Подвыпившие офицеры вермахта периодически устраивали в нем потасовки. Здесь была недорогая еда, разнообразная выпивка. Кромберг поставил машину у обочины, вышел из салона в расстегнутой шинели и потащился в здание.

Соглядатаи прижали «Опель» к стене дома. Один из них остался в машине, другой отправился в ресторан. Там было шумно, стелился густой табачный дым. Сыщик не стал заходить в зал, показал швейцару служебный документ и устроился за вешалкой в тамбуре.

На эстраде с кислыми минами стояли скрипач и аккордеонист. Их репертуар оригинальностью не блистал – «В Мюнхене», «Пиво сюда!», «Ах, мой милый Августин». Клиенты не обращали внимания на музыкантов.

Зал был почти полон, подвыпившей публики хватало, но сегодня обходилось без драк. Народ общался, пронзительно смеялись женщины. Было много офицеров как с дамами, так и в собственном кругу.

Кромберг нашел свободное место посреди зала, бросил шинель на спинку стула, приветливо помахал рукой какому-то майору-танкисту. Он несколько раз раздраженно щелкал пальцами. Наконец-то к нему подбежал запаренный официант и согнулся в подобострастном поклоне. В первую очередь Кромберг получил графин со шнапсом и пустой бокал. Он выпил без закуски, расслабился, растекся по стулу. С человека сползало напряжение, накопившееся за день.

Филер наблюдал за ним, брезгливо оттопырив губу, глотал слюни. Чертова работа! За весь день два тощих бутерброда в машине, стакан воды, промерз, как собака! А эта сволочь тут жирует!

Кромберг с аппетитом уничтожал яства, доставленные ему, еще два раза приложился к шнапсу, после чего закурил и начал осматриваться.

За соседним столиком сидели две женщины. Ничего особенного, обеим за тридцать, и только одну из них, с рубиновым колечком на безымянном пальце, с некоторой натяжкой можно было назвать привлекательной. Проститутками они не были, никого не цепляли, увлеченно беседовали.

Та, что не имела шансов у мужчин, казалась расстроенной, несколько раз смахивала слезу. Потом она стала собираться, достала кошелек. Дама с колечком заставила его убрать. Мол, я сама заплачу. Вторая пожалала плечами и ушла. Дама осталась в одиночестве, подняла фужер, забавно оттопырив палец с кольцом, пригубила вино.

Кромберг обратился к ней с каким-то вопросом. Дама вышла из оцепенения, задумчиво уставилась на него, чуть поколебалась и кивнула. Кромберг расплылся в улыбке, перенес за ее столик свои яства, щелкнул пальцами, подзывая официанта. Тот принес бутылку шампанского, наполнил опустевший фужер дамы.

Филер за вешалкой раздраженно крикнул.

Это мотание нервов продолжалось минут двадцать. Кромберг усердно заговаривал эту особу, делал комплименты и даже пару раз вызвал у нее улыбку. Она односложно отвечала ему, иногда смотрела на него с любопытством.

Услышав сокровенный вопрос, заданный офицером, дама опять слегка поколебалась, потом неуверенно кивнула. По физиономии Кромберга было видно, что день удался. Он рассчитался за себя и за даму, первым выскочил из-за стола. Парочка направилась к выходу, прошла мимо швейцара и сотрудника гестапо, зевающего за вешалкой. Гардеробщик вынес пальто. Кромберг перехватил его, помог, как истинный кавалер, даме, потом услужливо распахнул перед ней дверь.

Сыщик выждал полминуты, тоже вышел, стал закуривать, прикрывая зажигалку ладонями.

Пара направилась к машине Кромберга. Капитан распахнул пассажирскую дверь. Дама подалась вперед, но снова засомневалась, переминалась с ноги на ногу. Потом она стала что-то говорить, качала головой, сначала нерешительно, потом энергичнее. Кромберг забеспокоился, стал ее убеждать. Но женщина уже передумала, стала пятиться. Он схватил ее за рукав. Она вырвалась, засеменила в обратную сторону, поскользнулась на заледеневшей дорожке, однако не упала.

– Подождите, фройлен! – с обидой выкрикнул Кромберг, но женщина уходила, не оглядываясь.

Он кинулся за обманщицей, однако передумал, махнул рукой, сел в машину, с силой захлопнул дверцу, завел мотор.

Ухмыляясь под нос, филер заспешил к своему коллеге.

В девятом часу вечера Кромберг добрался до своей служебной квартиры на Анхенштрассе и хлопнул дверью с такой силой, что отвалился кусок штукатурки над косяком.

Сыщик подглядывал за ним через перила пролетом ниже. Он выждал несколько минут, сидя на подоконнике в пустом подъезде, стал спускаться. Дверь черного хода была заколочена. Сыщик вышел на улицу, пошатался по двору. Свет в квартире на втором этаже вскоре погас. Но сотрудник тайной полиции продолжал прозябать под дверью. А когда у него подмерзли ноги, он, проклиная свою работу, припустил в подворотню. В машине все же теплее.

Третий фигурант тоже не спешил демонстрировать свою преступную деятельность. В восемь утра Отто Беккер покинул многоквартирный дом на улице Нойхаузер и зашагал на работу. Он проживал в трехстах метрах от Карлштрассе, и транспорт для передвижения по городу ему не требовался. В пути он ни с кем не контактировал, никуда не заходил.

Капитан всегда был аккуратно одет, выбрит, следил за своей внешностью. Среднего роста, с тонкими чертами лица. Он не был аристократом по происхождению, но вполне мог за него сойти.

В отделе разведки Беккер пробыл до обеда. Потом он на скорую руку перекусил в кафе через дорогу, где тоже не общался ни с кем, кроме официантки.

Поев, гауптман опять исчез за воротами управления, но быстро вернулся, теперь уже в компании майора Этинберга из группы по работе с военнопленными. Оба сели в машину, при этом Беккер был за рулем. Прежде чем запустить двигатель, он настороженно посмотрел по сторонам, словно что-то почувствовал.

Служка двигалась следом, через две машины. Трудно потерять из вида серый «Мерседес» с хромированным обводом кузова.

Через десять минут машина въехала на автостоянку перед городской тюрьмой. Офицеры пересекли пустое пространство, исчезли в кирпичной пристройке, вскоре появились в компании работника этого учреждения, перешли в основное здание.

Ждать пришлось довольно долго. Советские военнопленные в тюрьме не содержались, их сюда не довозили. Здесь сидели немцы, не особо лояльные режиму, коммунисты и социал-демократы, уголовники в ожидании суда, военнослужащие, обвиненные в совершении преступлений.

Репутация у заведения была не из лучших. Каждую ночь в глубоких подвалах расстреливали людей, признанных врагами великой Германии. Тела, извлекаемые оттуда специальными подъемниками, грузили в закрытые фургоны и увозили в заброшенный карьер у деревни Норсдау. Но население тюрьмы от этого не уменьшалось. Сюда каждый день подвозили новых узников.

В пять вечера Беккер покинул здание и сел в машину. Майора Этинберга с ним не было. Капитан вернулся в управление и пробыл там еще два часа. По имеющейся информации, почти все свое время он посвящал работе. Ни женщины, ни выпивка этого субъекта не интересовали.

В восьмом часу, когда уже стемнело, он покинул управление, но вместо того, чтобы отправиться домой, свернул к автобусной остановке. Сыщикам на машине пришлось сдаться к обочине, а потом терпеливо ждать, когда подойдет автобус. Общественный транспорт в Майнсдорфе пока ходил и пользовался спросом. Даже в восьмом часу вечера автобус был полон.

Беккер сошел через пять остановок, на северной окраине города, натянул фуражку, поднял воротник шинели. Дул ветер, стелились завихрения поземки. Он смешался с людьми, сошедшими на этой остановке, а когда остался один, резко обернулся.

Филеры не лезли на открытое пространство, люди были опытные. Они сидели в машине за остановкой и терпеливо ждали. Одинокий фонарь освещал закрытый газетный киоск.

Осмотревшись, Беккер свернул за угол. Один из сыщиков покинул машину и припустил к дому, но к другому краю. Он понимал, что Беккер будет проверять, прятался за кирпичной будкой, когда капитан проследовал мимо по заметенной дорожке.

Здесь, на улице Городских Старейшин, проживала его сестра Тельма. Но Беккеру не хотелось, чтобы его визит к ней стал кому-то известен. По улице еще ходили люди, скрипели лопатами дворники.

Район был небогатый, дома обветшали. Электричество было отключено. Дверь в подъезд перекосилась и не закрывалась.

Сыщика это вполне устраивало. Он дождался, пока Беккер скроется в подъезде, быстрым шагом пересек дверь и окунулся в темноту. Нога его соскользнула со ступени, ему пришлось нащупывать перила. Он стоял и слушал. Поскрипывали подошвы. Потом со второго этажа донесся скрежет ключа в замочной скважине, отворилась и закрылась дверь.

Сыщик на цыпочках устремился вверх, припал к щели. Дверь была закрыта на замок, но косяк разохся, створка не прилегала к нему. Сотрудник тайной полиции затаил дыхание.

Квартира была небольшая. Бубнили люди – женский голос, мужской. Сначала они говорили тихо, он ничего не слышал. Мужчина на чем-то настаивал, женщина сопротивлялась.

Потом они вышли из комнаты, направились на кухню. Женщина тяжело дышала, постукивала палочкой. Даже в подъезде ощущался запах лекарств. Слышимость улучшилась. Загрели кастрюли, полилась вода.

– Отто, отстань от меня! Что ты хочешь? – недовольно пробубнила женщина. – Я никуда не поеду, здесь мой дом, дай мне, в конце концов, умереть спокойно. Мы с тобой не общались много лет, и вдруг ты вспомнил, что у тебя есть сестра. Я уже забыла про тебя, ты даже внешне изменился. На улице бы встретила, не узнала.

– Тельма, не говори ерунды, – проворчал Беккер. – Я военный человек, у меня несколько лет не было отпуска. Ты хоть знаешь, что в последние годы происходило в стране и в мире? Сидишь в своей скорлупе после смерти матери, только новыми болезнями обрастаешь. Неудивительно, что тебя Генрих бросил.

– Ты пришел оскорблять меня? – выкрикнула женщина, и что-то со звоном покатилося по полу.

– Все, сестра, успокойся, прошу прощения, – пробубнил Беккер. – Какая же ты непонятливая! Это крах, пойми, все кончено, мы проигрываем войну. Это стало понятно еще летом сорок третьего, только никто не хотел признать. Русские банды могут нагрянуть сюда уже через неделю, и тогда тебе не поздоровится. Во-первых, ты – инвалид, у тебя уже и зрение ни к черту. Во-вторых, в нашей семье все военные, пусть уже и погибли. Кроме меня. Русские быстро об этом узнают. Ты как собираешься при них жить? Собирай вещи. Пока есть возможность, я помогу тебе уехать. Поселишься в Берлине, в Шпандау. Там ты будешь в безопасности.

– А в Берлин русские банды не придут? – Женщина хрипло усмехнулась.

– Какая ты глупая, Тельма! – горячился Беккер. – Это западный округ, туда придут войска союзников, а не русские. А это, знаешь ли, совсем другое. Там ты точно будешь в безопасности. Пойми, Тельма, тебе лечиться надо. Как ты представляешь это при русских? Неизвестно,

выживешь ли. Город подвергнется сплошным бомбардировкам, а после этого придут русские. Тельма, неужели какие-то старые обиды для тебя важнее собственной жизни?

– А я уже прожила свою жизнь, дорогой брат. – В смехе женщины было что-то утробное. – Уйди, прошу тебя. Я сама разберусь со своей жизнью.

Переругиваясь, они опять перетекли в комнату, закрылась дверь. Глухие голоса сливались в рваный фон. Филер оторвался от косяка, нащупал ступени, стал спускаться.

Беккер возник минут через пять. Бормоча ругательства, он зашагал на остановку. Минуть пять капитан ждал автобуса, вышагивая взад-вперед. Городской транспорт уже не ходил. Терпение офицера лопнуло, он вышел на дорогу, поднял руку. Завизжали тормоза, резко встала легковушка.

– Управление полиции и службы безопасности, – проворчал Беккер, суя водителю под нос удостоверение. – Отвезешь меня в центр. Это служебная необходимость.

Он обошел вокруг капота, сел на пустующее место пассажира, и машина покатила прочь.

Первые двести метров филеры фар не зажигали. Только у моста через речушку Шнельзе водитель включил ближний свет.

Беккер вышел на Карлштрассе, спустился в первый попавшийся подвал и минут сорок сидел с единственной кружкой пива, тараща глаза в стойку. Потом его стал донимать разговорами капитан с петлицами артиллериста. Беккер односложно отвечал, потом ему это надоело, он бросил недопитое пиво, расплатился и был таков.

Глава 4

– Просто потрясающие результаты, Георг, – сказал фон Райхенбах, иронично поглядывая на смущенного подчиненного. – Хоть сейчас бери русского шпиона и докладывай в Берлин о великой победе.

– Но это только первый день, штандартенфюрер.

– И сколько у вас в запасе таких дней? – Райхенбах пронзительно уставился на Охмана. – Ладно, давайте разбираться.

На фронте за сутки ничего трагичного не произошло. Оборона в целом держалась. На некоторых участках русские продвинулись на 7–8 километров, ждали обзоров. Коммуникации растягивались, подвозить боеприпасы и горючее становилось труднее. Пока выручал энтузиазм – ведь Германия рядом! Но далеко ли уедешь на голом энтузиазме?

Неприятная история случилась под Роцманом. Там танковый полк русских сделал обходной маневр и буквально снес оборону, казавшуюся монолитной. В прорыв устремились части Первой танковой армии. Немецкому командованию пришлось подтягивать танковый резерв. В данный момент под Роцманом шел отчаянный бой. Информация о положении дел отсутствовала, что вызывало беспокойство. Верить в бравурную ложь пропагандистов уже не хотелось.

Хорошая же новость заключалась в том, что с Эльбы снимались несколько артиллерийских полков. Через день-другой они должны были прибыть к «Лагерю дождевого червя».

– Пока, мой дорогой Георг, нам удалось только выяснить, что ваш подчиненный Беккер не очень-то верит в силу немецкого оружия. Он уверен в том, что падет не только Майнсдорф, но и Берлин, – язвительно произнес штандартенфюрер. – Как вам это нравится?

– Это неправильно, согласен. – Охман побледнел. – Но позвольте замечание, герр штандартенфюрер. Во-первых, он не одинок. Во-вторых, это личное мнение Беккера. Он его не распространяет среди сослуживцев. Я уверен, что этот офицер будет до последнего выполнять свой долг и, как бы ни повернулась война, сделает это с честью. Будем откровенны, штандартенфюрер, далеко не все военные на фронте уверены в нашей победе. Это не мешает им биться до последнего и умирать героями. Слова «присяга» и «Германия» для них – не пустой звук. Я уверен, что и Беккер будет с нами до конца. Мы можем его, конечно, арестовать, предать суду. Но это будет не очень умный шаг. Не стоит разбрасываться ценными сотрудниками в столь тяжелый для страны момент.

– Если этот ценный сотрудник не является русским шпионом, – сказал Райхенбах.

– Сомнительно, штандартенфюрер. Впрочем, мы продолжаем работать над этим вопросом.

– И еще одно наблюдение, Георг. Все ваши сотрудники так или иначе заканчивают день выпивкой. Вас это не угнетает? Впрочем, вопрос риторический. Подозреваю, вы и сами от них недалеко. Что вам известно по сестре Беккера?

– Там была драма, лезть в дебри которой – только время терять. В семье – потомственные военные, начиная с прадедов. Муж Тельмы бросил ее в сорок третьем, после чего у нее и начались проблемы со здоровьем. Пара инсультов, отнялась нога, стала отказывать печень. Детей у них не было. Связи Беккера наши люди тщательно проверяют. Вчерашний артиллерист в баре – это явно не то. Он прибыл с позиций на два дня, сегодня утром вернулся в расположение. Теперь по капитану Коффману. Проблема с зубами не надуманная. Наши люди нанесли визит в клинику, проверили медицинские карты. Обширный пульпит. В зубы мы ему, конечно, не смотрели.

– А вы посмотрите, – посоветовал Райхенбах.

– Если вы настаиваете, штандартенфюрер. Все контакты Коффмана нами также изучаются. Проверили дантиста, фрау Циммер, к которой он зачастил в последнее время. Эта жен-

щина в сорок четвертом году переехала сюда из Нюрнберга, где у нее также была врачебная практика. Причины переезда на данный момент устанавливаются. Ей сорок лет, в тридцать первом году она окончила медицинский факультет Мюнхенского университета, прошла магистратуру, курсы интернов. Характер грубоватый, как говорят ее пациенты, но доктор она неплохой, профессией владеет.

– И на что мы только не расходуем наше ценное рабочее время! – Райхенбах сокрушенно покачал головой.

– Не согласен с вами, штандартенфюрер. Из мелких фрагментов выстраивается картина. Личность женщины из ресторана «Потсдам», к которой набивался на знакомство Кромберг, установить не удалось. Особу, ушедшую ранее, тоже никто не знает. Вероятно, это обычные посетительницы. Клиентура ресторана состоит не только из завсегдатаев. Но не исключено, что дело тут обстоит сложнее, и все, что видел наш человек, – ловко разыгранный спектакль. Допустим, Кромберг знал, что его пасут, а сообщить связному что-то ценное он был обязан. Но это только предположение. Швейцара и официантов допросили. Они вспомнили этих женщин, но ничего про них не знают. Передавал ли что-то Кромберг своей новой знакомой или это сделала она, работники заведения не заметили. Тот момент, когда она передумала ехать к нему, видел не только наш человек, но и швейцар. Это тоже могло быть фрагментом спектакля. Кстати, есть еще один любопытный факт, – вспомнил Охман. – Наши люди довели Кромберга до его квартиры на Анхенштрассе, дождались, пока в окнах погаснет свет. Но Кромберг, как выяснилось, не уснул. Через полчаса он снова вышел из дома, прошел мимо моих людей, сел в «Фольксваген» и уехал.

– Это интересно, – оценил новость Райхенбах.

– Не совсем. – Охман вздохнул. – Переодеваться Кромберг не стал, был в форме. Он направился в район Краухен на северо-западе города. Улица Леменштрассе, дом четырнадцать, частный. Похоже, прибыл туда без предупреждения. Моему человеку удалось спрятаться у ограды. На стук в дверь вышла заспанная женщина в ночной сорочке. Диалог произошел примерно следующий: «Герр Кромберг? Это так неожиданно. Мы не договаривались». – «У тебя клиент, Хельга?» – «Нет, герр Кромберг, сегодня никого. Проходите. Вы же помните цену?» Поведение человека, который рассчитывал на интимную близость, но потерпел фиаско, вполне понятно. Ему оставалось ехать к проститутке. Женщина впустила гостя. Вышел Кромберг только под утро, причем весьма довольный, съездил домой и направился на работу. В доме проживает проститутка Хельга Браун. Семьи нет. Раньше работала на швейной фабрике, теперь продает немецким офицерам свое тело. – Охман криво усмехнулся. – До недавнего времени трудилась в борделе фрау Зенке на Унгерштрассе, но по каким-то причинам оттуда ушла. Теперь принимает клиентов у себя дома. Она действительно проститутка, герр штандартенфюрер. Если досконально проверять всех особ такого рода, с которыми когда-либо пересекался Кромберг... – Штурмбаннфюрер не стал завершать очевидную мысль.

– Подключайте внештатных агентов, Георг, – резко произнес штандартенфюрер. – Займитесь наконец работой и добейтесь хоть каких-то результатов!

Это был не просто рядовой момент в работе. Ввиду очевидного краха на фронте поиски советского крота выглядели мышинной возней, не имеющей смысла. Кого волнует выявление шпиона, если завтра все рухнет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.